**КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени У. Д. АЛИЕВА
ЦЕНТР АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ**

**АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ «АЛАШАРА»**

КЛЫЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ - 2023

Материалы
международной научной конференции

**Карачаевск
2023**

УДК 946.11 + 494.3
ББК 81.2 Кав.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева

Клычевские чтения - 2023 /Материалы международной научной конференции. - Карачаевск: КЧГУ, 2023. – 332 с.

ISBN 978-5-8307-0705-3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Пазов С.У., составитель, ответственный редактор,
Алиева Т.К., Клычев А. В., Пазова Л. К., Баталова Ф. К.

В сборник включены материалы международной научной конференции «Клычевские чтения-2023», которая состоялась на базе Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева 11-12 мая 2023 года.

В представленных работах рассматриваются теоретико-методологические, теоретические и исторические аспекты изучения языков и литератур народов Карачаево-Черкесии, проблемы обучения языку и литературе в средней и высшей школе, а также формы, пути и возможности использования инновационных методик обучения.

ISBN 978-5-8307-0705-3

© Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, 2023

ИМЕННЫЕ vs НЕИМЕННЫЕ СКАЗУЕМЫЕ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Ландер
кандидат филологических наук,
НИУ «Высшая школа экономики» Москва, Россия
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп, Россия

Аннотация. *В абхазо-адыгских языках именные основы с легкостью принимают морфологию сказуемого, что приводит к определенным сложностям в противопоставлении частей речи. В работе обсуждаются разные стратегии, противопоставляющие имена прочим знаменательным словам в позиции сказуемого в абазинском языке и предварительно обсуждается аналогичный абхазский материал.*

Ключевые слова: *части речи, абазинский язык, абхазский язык, морфология сказуемого.*

Хотя описания абхазо-адыгских языков регулярно используют понятия «имя» (или «существительное») и «глагол», их система противопоставления знаменательных частей речи существенно отличается от системы, наблюдаемой в индоевропейских языках Европы и легшей в основу наиболее распространенных – по сути европоцентричных – грамматических теорий. По-видимому, ключевая проблема здесь связана с тем, что во всех абхазо-адыгских языках «именные» основы (включающие и основы, переводимые прилагательными) легко принимают морфологию сказуемых, становясь не отличимыми от так называемых «статических глаголов». Например, в абазинском примере *Адуней* ***бы***-*кв*-***nI*** ‘Ты (женщина) на свете есть’ сказуемое, которое обычные описания скорее всего характеризовали бы как глагольное, включает префикс 2 лица единственного числа женщин *бы-* и «суффикс финитности» *-nI*, и точно те же показатели наблюдаются в примере ***Бы***-*бзыльхвагIа*-***nI***, ***б***-*абаза*-***nI***, ***бы***-*мсылман*-***nI*** ‘Ты — женщина, ты — абазинка, ты — мусульманка’, где сказуемые явно образуются от именных основ.

Подобная система может описываться по-разному.

а) В литературе по абхазо-адыгским языкам широко распространена точка зрения, согласно которой в позиции сказуемого выступают не имена, а отыменные глаголы. Для абазинского язы-

ка это представление можно обнаружить еще в грамматике А. Н. Генко [1, с. 153], который указывает, что «[т]ак как в предикативном (сказуемостном) употреблении встречаются все имена существительные и прилагательные и многие наречия – для этой цели они сочетаются или с формантами глаголов состояния, или с формами глаголов действия (страдательного залога) – можно считать и эти сочетания глаголом в узком смысле слова…» Аналогично в детальной грамматике Н. Т. Табуловой [5, с. 104] сообщается: «Любое имя может стать глаголом. Для этого к нему присоединяют показатели времени статических глаголов (наст. *-пI*, прош. незакон. *-н*) и личные префиксы…» Такое описание, однако, оказывается совершенно не экономно, если глаголы понимаются как отдельные лексемы: для каждой именной основы приходится постулировать фактически две лексемы – именную и глагольную, хотя семантические отношения между ними совершенно регулярны. (Справедливости ради следует отметить, что в грамматических описаниях абазинского языка не очевидно, что при частеречных противопоставлениях речь всегда идет о противопоставлении лексем – тем более что определение лексем в полисинтетических языках вроде абхазо-адыгских вообще может представлять собой огромную проблему [7].)

б) В [11] для родственного абазинскому адыгейского языка предлагается подход, объединяющий все знаменательные лексемы в одну часть речи – контентивы (см. о таких системах [9; 10]). Морфология сказуемых в таком случае присуща при описании ситуации всем словам, принадлежащим этой части речи. При этом имена представляются как особый подкласс контентивов, обладающий дополнительными возможностями – прежде всего в позициях, где они указывают на участников ситуации. Перенося этот подход на абазинский язык, можно было бы сказать, что при указании на участника только имена могут получать определенный и неопределенный артикли (***а***-*чкIвын* ‘определенный парень / молодой человек’, *чкIвын*-***кI*** ‘некий парень / молодой человек’), хотя и в этой позиции для них остается доступна морфология сказуемого (ср. форму ***й***-*чкIвын*-***у*** ‘тот, который парень / молодой человек’ с префиксом релятивизации подлежащего *й*- ‘тот который’ и имперфективным суффиксом *-у*).

в) Теоретически можно было бы попытаться приложить к абхазо-адыгским языкам и схему, в которой для существитель-

ных постулируется особая категория репрезентации. Собственно понятие категории репрезентации впервые введено А.И. Смирницким для случаев, когда «отношения между грамматическими формами напоминают отношения между различными частями речи» [4; с. 248]. Наличие словоизмененительных категорий, меняющих синтаксический класс слова встречается и в других теориях (см., например, [8]). В нашем случае можно было бы для имен ввести особую предикативную репрезентацию – набор форм, выступающих в функции сказуемого аналогично глаголам.

Ниже будет показано, однако, что в абазинском языке имена могут иметь специфические свойства и выступая в качестве сказуемых. Материал, который излагается ниже, получен в результате опроса носителей тапантского диалекта в а. Инжич-Чукун и в с. Красный Восток в 2017-2021 гг. и, несомненно, может отражать черты устной речи.

Как известно, абазинские сказуемые могут принимать местоименные префиксы, выражающие лицо, число, признак «человек vs не-человек», а для людей – еще и пол участников. Далее нас будет интересовать лишь одна серия таких префиксов, выражающая субъект при непереходных сказуемых и пациенс при переходных. Особенностью этой серии является обозначение участников 3 лица, для которого противопоставляются префиксы *д(ы)-* (3 лицо единственного числа людей) и *й(ы)-* (3 лицо единственного числа не-людей, 3 лицо множественного числа); ср. ***д-чважвитI*** ‘он/она разговаривает’, ***й-чважвитI*** ‘они разговаривают’. Если именная группа, указывающая на соответствующего участника, непосредственно предшествует сказуемому, префикс *й-* может отсутствовать (см., например, [2, с. 66; 3, с. 100]); ср. *Адзын гIайтI* ‘Осень пришла’ вместо ожидаемого *Адзын й-гIайтI*. Префикс *й-* появляется также при релятивизации – образовании так называемых причастий, ориентированных на соответствующего участника вроде ***й-гIайуа*** ‘тот, кто приходит’; такие формы далее нами не обсуждаются.

Тем не менее в предложениях с именным сказуемым могут работать иные правила. В этом отношении опрошенные консультанты разделились на две группы (не коррелирующие с местом происхождения и проживания).

Для первой группы префикс *й-* может отсутствовать незави-

симо от того, есть ли непосредственно перед именным сказуемым подлежащее. У представителей этой группы если подлежащее непосредственно предшествует сказуемому, префикс *й-* может присутствовать (*Ауи* ***й-гІважьпІ*** ‘Оно жёлтое’), но может и отсутствовать (*Ауи гІважьпІ*). Однако то же наблюдается и если подлежащего непосредственно перед сказуемым нет – например, если оно оказалось в постпозиции: ***Й-гІважьпІ*** *ауи* / *ГІважьпІ ауи* ‘Жёлтое оно’.

Для второй группы префикс *й-* при именных сказуемых не допустим вовсе – независимо от того, есть ли перед сказуемым подлежащее или нет. Для таких консультантов, например, в значении ‘Это мяч’ допустимы выражения *Ари топб* и *Топб ари* (с диалектным суффиксом *-б*), но не допустимы *Ари* ***й-топб*** и ***Й-топб ари*** (они, впрочем, грамматичны, если *й-* интерпретируется как омонимичный префикс, выражающий посессора ‘его мяч’).

Существенно, что для обеих групп носителей абазинского языка имена обнаруживают особые свойства не только при указании на участника, но и в позиции сказуемого. При этом для первой стратегии, вероятно, вполне работает и подход, предложенный в [11], поскольку типичное для не-имен морфологическое оформление также возможно: можно сказать, что все знаменательные слова в позиции сказуемого могут принимать соответствующую морфологию, но имена представляют собой особый подкласс знаменательных слов, в котором часть этой морфологии не обязательна. Выделение класса глаголов на основании положительных признаков, которыми обладают исключительно глагольные основы, в таком случае не обязательно.

Для второй стратегии, однако, подобное описание уже не работает: имена и глаголы оказываются жестко противопоставлены, хотя и в очень ограниченном круге контекстов. В таком случае для описания сочетаемости именных основ с прочей морфологией сказуемого, возможно, удобнее использовать категорию репрезентации.

Примечательно, что в ближайшем родственнике абазинского языка – абхазском языке могут действовать и иные стратегии. Так, для наших консультантов опущение аналогичного префикса 3 лица единственного числа не-людей иногда допускается и у глаголов в первой позиции, то есть без предшествующей именной группы, указывающей на соответствующего участника. Зато

для именных сказуемых (i) при непосредственном предшествовании подлежащего некоторыми допускается и отсутствие префикса *д*- (аналогичные формы приводятся, например, в абхазской грамматике Н. Ф. Яковлева [6, с. 132–133], но не засвидетельствованы в изученных нами абазинских наречиях), а отсутствие префикса *и*- (в абхазской орфографии; соответствует абазинскому *й*-) становится обязательным, (ii) в начале предложения факультативно допускается отсутствие и *д*- и *и*-, (iii) если подлежащее предшествует сказуемому, но не примыкает к нему, допускается отсутствие *и*-, но не *д*-.

Очевидно, что в абхазо-абазинских диалектах наблюдается варьирование в оформлении именных сказуемых. При этом и полный список позиций, для которых различаются соответствующие правила, и полный список стратегий нуждается в уточнении.

Литература

1. Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. – Москва: Изд. АН СССР, 1955.
2. Клычев Р. Н. Абазинский литературный язык. Поиски и находки. – Карачаевск: КЧГПУ, 2000.
3. Пазов С. У. Случаи неполного согласования членов предложения в абазинском языке // Успехи современного естествознания. 2007. № 12. – С. 100–102.
4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. – Москва: Изд. литературы на иностранных языках, 1959.
5. Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд., 1976.
6. Яковлев Н. Ф. Грамматика абхазского литературного языка. – Сухум: Алашара, 2003.
7. Dorais L.-J. The Lexicon in polysynthetic languages // The Oxford handbook of polysynthesis / Ed. by M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 135–157.
8. Haspelmath M. Word-class-changing inflection and morphological theory // Yearbook of morphology 1995. / Ed. by G. Booij, J. van Marle. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1996. – P. 43–66.
9. Hengeveld K. Parts-of-speech systems as a basic typological determinant // Flexible word classes. Typological studies of underspecified parts of speech / Ed. by J. Rijkhoff, E. van Lier. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 31–55.
10. Hengeveld K., Rijkhoff J., Siewierska A. Parts-of-speech systems and

word order // Journal of Linguistics. 2004. Vol. 40. № 3. – P. 527–570.
11. Lander Yu., Bagirokova I. Asymmetric word class systems and noun primacy: West Circassian and beyond. Ms. 2019.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ РЯДА БАХЧЕВЫХ И ОГОРОДНЫХ КУЛЬТУР В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

А. Н. Абрегов
доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета г. Майкоп, Россия

Аннотация. *Проводится анализ названий некоторых бахчевых и огородных культур в синхронном и диахронном аспектах. Синхронному изучению подвергаются слова, которые на современном этапе адыгских языков имеют прозрачную структуру, а диахронному – те лексемы, которые в процессе развития языков претерпели изменения, нарушившие внутреннюю форму слова, и произошли смысловые преобразования. В этих случаях делается исторический анализ материала родственных языков с применением сравнительно-исторического метода исследования, в результате чего устанавливается этимология слов указанных групп лексики. Результаты исследования найдут применение при подготовке лекционных курсов по лексикологии и словообразованию, а также могут быть использованы при создании словообразовательных и этимологических словарей абхазо-адыгских языков.*

Ключевые слова: *лексема, слово, композит, фитоним, сравнительно-исторический метод, словообразование, этимология, лексикология, смысловые преобразования, семантическая трансформация, этимологический словарь, словообразовательный словарь.*

28 октября 1958 года в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте состоялось совещание лингвистов, которое рассмотрело два вопроса: о словарной работе в республике и об улучшении алфавита и орфографии кабардинского и балкарского языков. На нём выступила Т.Х.Куашева, которая коснулась методики собирания редких наименований р а с т и т е л ь н о г о и животного м и р а (подчеркнуто нами.- А.А.). В свою очередь Б. Х. Балкаров указал на необходимость записывать н а р о д н ы е н а з в а н и я р а с т е н и й, птиц и